

Об актуальности основных принципов сократической философии для современного философского журнала



Возникновение имени «Сократ»

Имена, как считали многие философы, не даются случайно. Имя «Сократ» возникло в ходе обсуждения вариантов названий для нового философского журнала в качестве одного из наиболее очевидных вариантов. Следующим шагом, разумеется, этот вариант был отодвинут в сторону как излишне очевидный и даже ба-

нальный. Однако зачастую первое решение, принимаемое на интуитивном уровне, оказывается и самым верным. В общем, нам стало интересно подумать над этим именем и над его актуальностью в современных условиях, критически рассмотреть и осмыслить его реальное философское содержание, попытаться очистить это имя от позднейших «археологических наслоений».

При ближайшем рассмотрении, как и следовало ожидать, образ Сократа оказался далеко не таким банальным, как об этом можно было бы судить, опираясь на привычный набор школьных образов. Если мы обратимся к письменным источникам, то уже там мы обнаружим, по меньшей мере, двойственную природу образа Сократа. Сократ — это и городской сумасшедший, любитель

хорошо поесть и выпить, человек без определенных занятий, морально неустойчивый асоциальный тип. В то же самое время Сократ — это серьезный мыслитель, учитель юношества, острый полемист и критик профессиональной философии (софистов). Сократ высмеивает реальность, но в то же самое время и сам отрицается и высмеивается, а затем и уничтожается этой смысловой и социальной реальностью. Таким образом, задумавшись об актуальности имени «Сократ», мы неизбежно выходим к проблеме актуальности самого сократического способа мышления, равно как и способа действия, для нашей современной интеллектуальной и социально-политической ситуации.

Контекст деятельности Сократа — Мировой Кризис

Если начать с самого очевидного совпадения между контекстом деятельности Сократа и нашей сегодняшней ситуацией, то можно установить, что, как и мы сегодня, Сократ жил во времена кризиса, причем не только кризиса Афин, но и системного кризиса всего греческого мира. Современные исследователи часто называют Сократа человеком переломного, «осевого» времени. Что же представляло собой это «осевое время» в социально-политическом и социально-культурном плане? Незадолго до смерти Сократа закончились Пелопоннесские войны, продолжавшиеся, лишь в своей «горячей» фазе, около 30 лет. Сквозь привычную призму «исторического видения» мы обычно воспринимаем эти «античные» войны как запутанный клубок противоречий, битв и политических интриг. Но если вспомнить о размерах и других основных геополитических характеристиках греческой ойкумены, то мы с полным правом можем считать Пелопоннесские войны одной из первых войн за мировое господство, или одной из первых мировых войн. Ведь вокруг лидеров воюющих сторон — Спарты и Афин — консолидировались почти все известные тогда государства «цивилизованного мира». События Пелопоннесских войн разворачивались во всем Восточ-

ном Средиземноморье, которое тогда и составляло основной регион распространения «цивилизации», весь «цивилизованный мир». Таким образом, в этой войне, или в этом кризисе, так или иначе участвовали все основные составляющие элементы тогдашнего «миропорядка».

Кризис не исчерпывался бедствиями военного времени, глубокую эрозию претерпевала афинская и в целом полисная греческая государственность, экономика, культурная и идеологическая сфера. Прежние понятия и ценности больше не работали, как, например, об этом свидетельствует Фукидид, когда описывает эпидемию чумы, случившуюся в кульминационный период войны: «Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет».

Сократ явился «теоретическим выразителем» древнегреческого Всемирного Кризиса, «универсальной фигурой кризиса». Он раскрыл этот всеобщий кризис в понятиях. Он препарировал уже мертвые ткани социального, политического и идеологического механизма афинского государства для того, чтобы дать родиться (майевтика или повивальное искусство как основа сократического метода) новым идеям и общественно-политическим формам.

Именно поэтому афиняне и казнили Сократа, как человека, который беспощадно раскрывал им их истинное, вполне безнадежное положение (а не из-за невнятных обвинений в «аморальном поведении» конечно). Афины к IV веку до н.э. полностью исчерпали себя, да и не только Афины, а весь классический «греческий мир», для которого Афины являлись таким же воплощением всех достижений и успехов, такой же «великой державой», какой для современного мира являются США. Верность сократической критики подтвердила «критика оружием»: уже через несколько десятков лет, фактически при жизни одного поколения (в течение жизни Аристотеля) македонская экспансия положила предел традиционному классическому миропорядку.

Рациональные основания человеческого бытия. Критика Сократом деинтеллектуализации общества

Одной из важнейших составляющих, а во многом — и причин Кризиса согласно Сократу является деградация реальной функции интеллектуалов (в афинском мире — софистов). Сократ считал, что, демонстрируя относительность любых истин и таким образом девальвируя автономную природу рефлексии, софисты разрушают не только собственную базу — философскую и интеллектуальную позицию, но и сами основания полисного миропорядка. Сократ в своей критике софистов пытался вычленив основу философского и человеческого способа существования, и в итоге в качестве единственного твердого основания последнего он «открыл» критическую рациональную природу человеческого разума. Можно сказать, что Сократ тем самым расчищал почву для последующего системного европейского рационализма. Критикуя основания позиций софистов, Сократ боролся за интеллектуальные основания общественного устройства и отстаивал необходимость подлинного интеллектуального управления обществом. В этой связи последующие политические интенции Платона были далеко не случайными. Софисты, превращая знания, информацию и навыки к рефлексии в товар, уводили эту рефлексию и эти «интеллектуальные технологии» далеко от их основного, по Сократу, предназначения. Вместо этого софисты, по сути дела, занимались интеллектуальным «трюкачеством» и «самоудовлетворением» либо продажей своих «интеллектуальных и политических технологий» представителям афинских финансовых и политических элит (своего рода афинский PR и консалтинг). В свою очередь основная масса граждан оставалась вообще без какой бы то ни было рефлексии, без всяких попыток осмысления своего положения, без малейших потенциалов к анализу и организации своего бытия (по-современному — «быдло»).

На наш взгляд, проблема деинтеллектуализации общества и общественного управления актуальна

и сегодня не меньше, чем во времена Сократа. В какой же ситуации относительно реальной действительности и эффективности интеллектуальной функции мы находимся сегодня, и откуда мы к ней пришли? Если вспомнить, в общих чертах, структуру трансляции знаний, существовавшую, например, в советский период, то можно убедиться в том, что, при всех известных издержках, в советской социальной системе действовал достаточно устойчивый механизм трансляции высших, без существенного преувеличения, достижений человеческой культуры в самые широкие и, казалось бы, далекие от этого массы. Сегодня можно сколько угодно иронизировать над советскими «стратегиями Просвещения», но нельзя отрицать того, что это было реальное Просвещение и это были работающие стратегии. Работала система постоянного информационного обмена между носителями интеллектуальных знаний и технологиями и самыми широкими социальными массами. И, как следствие этого, работал реальный социальный лифт, имела место реальная социальная мобильность (например, «рабоче-крестьянские дети» были широко представлены во всех слоях советской элиты, и до сих пор многие из них продолжают играть ведущие роли и в российском обществе, спешно переквалифицировавшись в «отпрысков репрессированных дворянских родов»).

Разумеется, механизмы «советского Просвещения» имели множество недостатков, которые хорошо известны. Однако вполне правомерным представляется вопрос: а что мы имеем сегодня? Насколько представители нашего общества стали лучше образованы, стали ближе к пониманию своего реального места в социальной иерархии, своих целей и задач, насколько механизмы управления стали более «рефлексивными» и интеллектуально оснащенными?

И сегодня интеллектуалы, как и во времена Сократа, все более отчетливо распределяются на 2 группы: 1) интеллектуальные «технологии», обслуживающие технические потребности политических и корпоративных элит: PR, консалтинг, СМИ; 2) интеллектуальные «чистые

художники»: писатели, философы, художники, режиссеры. Обе группы, так же как и во времена Сократа, занимаются конструированием различных смысловых и образных фигур с полным осознанием условности и бессмысленности своего занятия.

На этом фоне развиваются системные антиинтеллектуальные процессы. Большинству населения навязываются иррациональные массовые стратегии «успеха», «потребления», «удовольствия», в своей основе деконструирующие сами человеческие и рациональные основания сознания и психики людей (в современных понятиях — превращение в «быдло»). В этой связи можно сказать, что широко разрекламированный самими интеллектуалами «Кризис Просвещения» — это, конечно, не столько кризис «стратегии Просвещения», сколько кризис самих интеллектуалов. И разве эта ситуация, характерная для нашей культурной системы, не является слепком с той интеллектуальной ситуации, которую описывает и критикует Сократ? Степень интеллектуальной оснащенности общества, степень эффективности «информационного обмена» между «верхними и нижними этажами» — это не только моральная проблема, это проблема эффективности и выживаемости общества в целом. И не моральное осуждение нужно противопоставить этим антиинтеллектуальным и антирациональным стратегиям, а реальную и не менее эффективную критику, как интеллектуальную, так и социальную, как собственно это и делал Сократ.

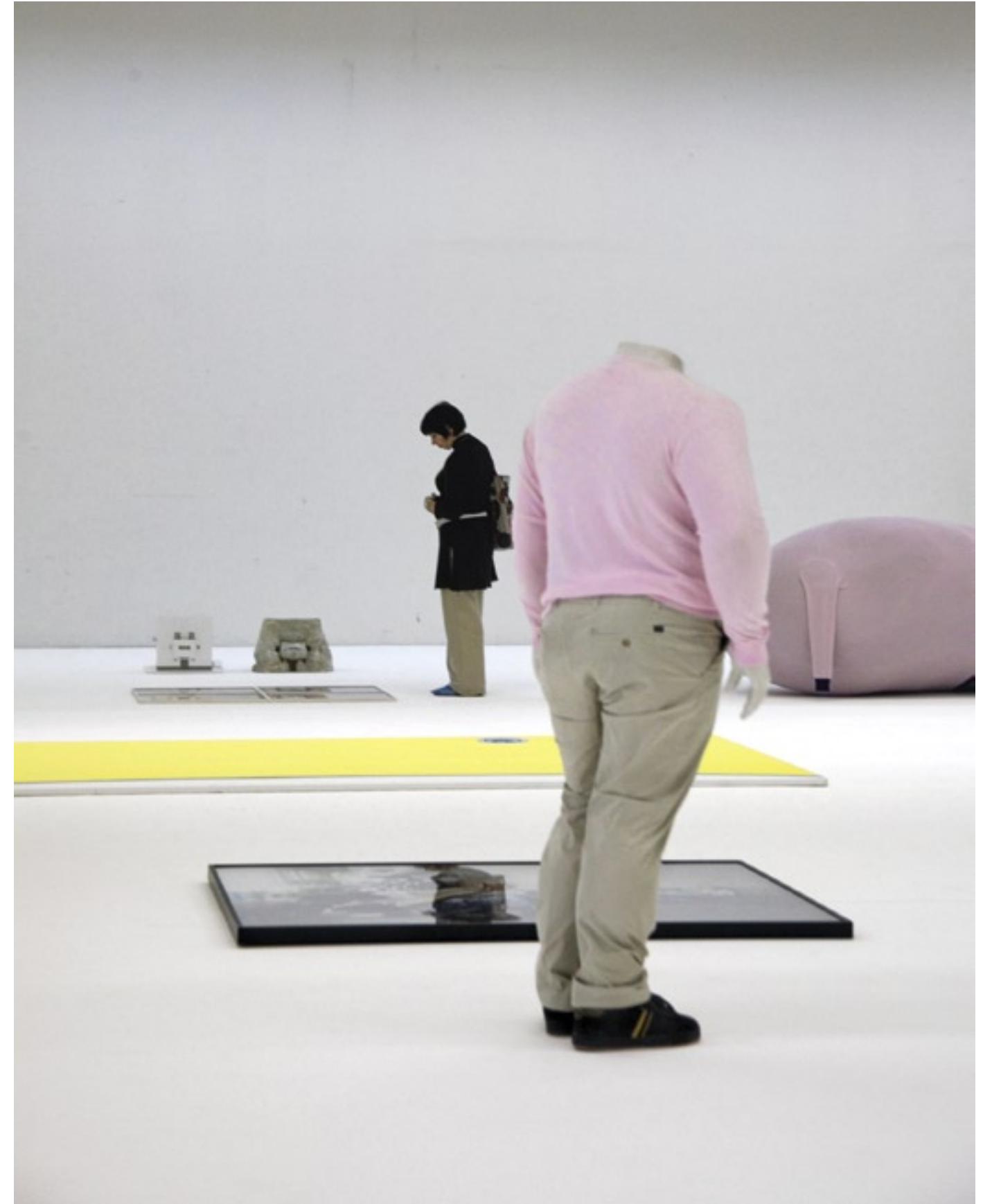
Сократ как создатель языка европейской философии и единого пространства философского дискурса

Если мы вспомним «сократические диалоги», мы без труда установим, что именно Сократ во многом создал язык современной европейской философии. Именно диалогическая форма или рассуждение, дискурс лежит в основе не только сократической философии, но и вообще любой реальной, успешной философии. Сократ не «вещал», но

говорил, разыскивая истину. Его язык был метафорическим, ярким, но в то же самое время простым и прозрачным, достаточно технологическим и операциональным, когда было необходимо препарировать какую-либо проблему и изложить возможные пути ее решения. Именно такой язык позже возрождается и развивается Декартом и другими представителями рациональной новоевропейской традиции.

Безусловно, задача нахождения собственного адекватного языка является актуальной и для современной российской философии. Псевдомарксистский язык советской философии умер, причем он и в советское время был весьма далек от живого и критического языка самого К. Маркса. Попытки синтезировать новый «философский русский», к сожалению, пока нельзя назвать успешными. Различные потенциальные составные его части: язык русской дореволюционной философии, язык переводов западных авторов, «философско-публицистический» язык некоторых писателей и публицистов пока не сложились в полноценный общепонятный и операциональный русский философский язык.

Продолжением «языковой» проблемы, еще более рельефно раскрывающим эту первую, является проблема отсутствия в современной России единого философского дискурсивного и информационного пространства. Сократ, как известно, создал вокруг себя эффективное философское сообщество, поддерживавшее и развивавшее «пространство дискурса», пространство обмена информацией и идеями, пространство поиска истины. Проблема создания и развития общего информационного и дискурсивного философского пространства актуальна и для современной российской ситуации. Советский марксизм, пусть даже и в самых примитивных его формах, безусловно, создавал и удерживал это общее информационное и дискурсивное пространство, единство терминологии и общую переводимость различных философских языков. На этом общем пространстве могли встречаться представители различных философских школ и направлений, конечно,



Эрвин Вурм «Держи голову в холоде»
Центральный Дом художника, 2008



Ростан Тавасиев «МилкиВэй»
Галерея «Айдан»

только в той мере, в какой советская официальная философия допускала развитие этих самостоятельных направлений. В конце 80-х тиски ослабели, что создало уникальную ситуацию реальных дискуссий мгновенно оформившихся, вышедших из подполья разнообразных философских групп и лидеров. К сожалению, очень скоро эти группы и лидеры разбрелись по своим специализированным «философским квартирам», согласились на «принципиальную непереваемость» их языков, что сделало бессмысленными и какие бы то ни было предметные дискуссии. Если вспомнить «сократический» опыт, то возможно предположить, что наиболее действенным способом создания такого единого «пространства дискурса» является введение, интервенция философской информации, философских знаний и инструментов в обсуждение различных актуальных вопросов общественной, культурной и политической практики. Философские знания и инструменты не задействованы сегодня в общезначимых дискуссиях, не имеют общего пространства для встречи и взаимного обмена и, соответственно, не играют сегодня никакой заметной роли в жизни общества. Поэтому, разумеется, попытка создания или воссоздания такого пространства представляется одной из важных и вполне «сократических» задач нашего времени.

Актуальность философии как сократическая проблема

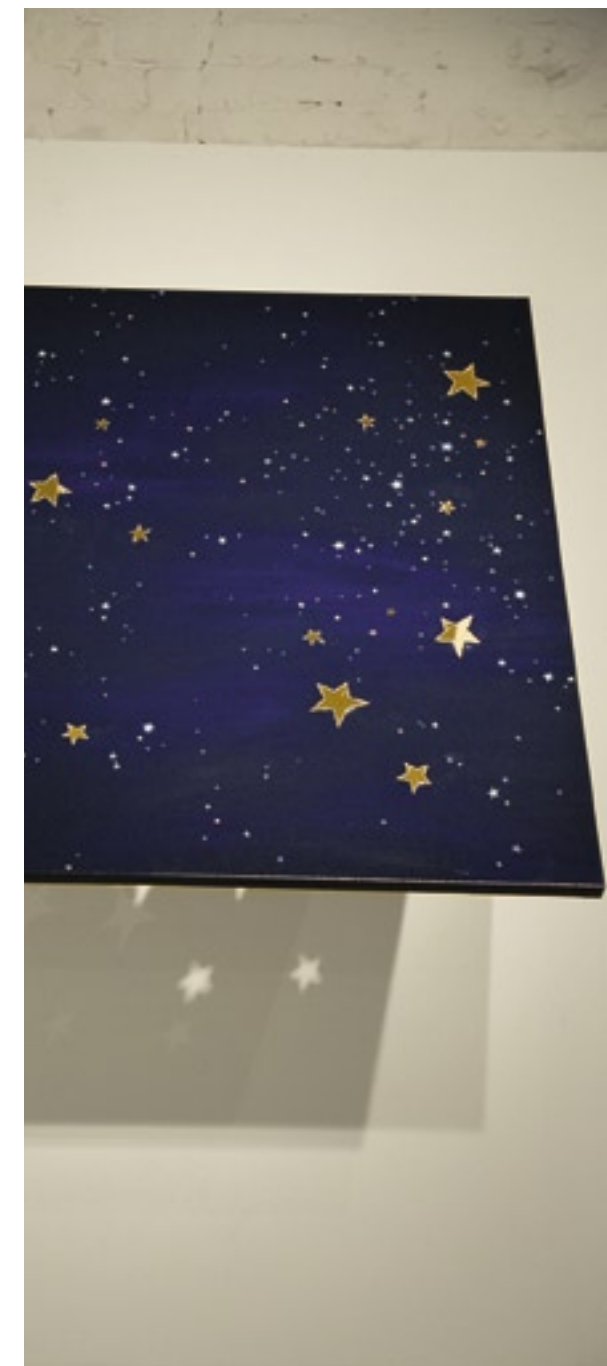
Разумеется, в рамках одной статьи невозможно описать все важнейшие черты сократической философии, актуальные для современной российской ситуации. Тем не менее основная «сократическая задача современности» сегодня просматривается вполне определенно. Эта задача — сделать философию реальной, актуальной и действительной, в том числе и в качестве реальной экспертной и управляющей общественной функции. Наметить предпосылки и условия возвращения к интеллектуальным и рациональным основаниям общественной и культурной жизни. Образно говоря, необходи-

мо, вслед за Сократом, вывести философию из темных закоулков узких профессиональных дискуссий на улицу, к осмыслению актуальных культурных и общественных проблем, к осмыслению и преобразованию зачастую спонтанно развивающихся общественных процессов, преобразованию на разумных теоретически фундированных основаниях.

Разумеется, возвращение философии к «общественно-полезной деятельности», придание ей характеристик социальной реальности — это дело не одного материала, не одного журнала, не одной книги, это многосложный и длительный процесс. Поиски национальной философии, национальной идеи, которые провозглашались в нашей стране еще в 90-е, конечно, были обречены на провал. Обречены просто по той причине, что национальная идея или философия — это не единичная вещь, а процесс, который может иметь только в качестве своего результата некие идеи и системы идей, в том числе и какую-нибудь перспективную социальную или национальную идею. Нельзя создать, например, самолет, просто как один самолет. Для этого нужно создать научные школы, конструкторские бюро, авиационную индустрию. И тогда на выходе вы получите самолет, и не один, а много самолетов, вы сможете даже выбирать из них конкретный самолет под требования момента, под конкретную задачу. Так же и в сфере идей — для получения продуктивных и рабочих идей, или одной даже мощной идеи — нужна индустрия идей. Нужен не один философ и не одна школа — нужны многочисленные группы философов и школ, нужен не один журнал — а десятки журналов, издательств, научных и интеллектуальных центров. И тогда процесс их постоянного взаимодействия, их постоянный синтез и постоянная верификация через общественные практики и экспертизы и будет генерировать различные потоки идей и отдельные мегаидеи, способные быть несущими конструкциями для общественного здания.

Пока у нас нет индустрии идей, в общественной и идеологической сфере у нас пока есть индустрия

PR, но это совсем не одно и то же. Поэтому фронт работ в этом направлении огромный. И мы надеемся, что и наше скромное начинание — журнал, призывающий вспомнить о сократическом понимании философии, внесет свою лепту в решение этой важной задачи — возрождения общественной функции интеллектуалов и возрождения интеллектуальных характеристик общества.



Ростан Тавасиев «МилкиВэй»
Галерея «Айдан»